

© 2026. Г. А. Велигорский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Синий лес» в «усадебном тексте» русской литературы XVIII–XXI вв.

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Аннотация: В статье речь идет об одном из универсальных образов усадебной мифопоэтики — манящей синеве, воплощением которой становится зыбкая даль, как правило, очерченная тем или иным природным объектом. В фокусе нашего внимания находится мифологема «синий лес», возникшая еще в фольклоре и древнерусской литературе, получившая развитие в литературе о русской усадьбе начиная с 1830-х гг. и с тех пор претерпевавшая постоянное развитие, обраставшая все новыми смыслами и коннотациями. В статье кратко прослеживается путь, который прошел этот образ, обозначаются важные вехи в истории его развития. Также осмысляется роль писателей, представителей усадебной литературы (Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, И. М. Шевцова и др.), которые существенно повлияли на его становление.

Ключевые слова: усадьба, мифопоэтика, синий цвет, лес, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, И. М. Шевцов

Информация об авторе: Георгий Александрович Велигорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

E-mail: screamer90@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 19.04.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 20.05.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Велигорский Г. А. «Синий лес» в «усадебном тексте» русской литературы XVIII–XXI вв. // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 214–239. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-214-239>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 214–239. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 214–239. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. George A. Veligorsky
A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“The Blue Forest” in the “Estate Text” of Russian Literature 18th–21st Centuries

Acknowledgements: This work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Abstract: This article examines one of the universal images in the mythopoetics of the Russian country estate: the alluring blue, embodied by a shimmering distance — usually defined by a specific natural feature. Our study focuses on the “blue forest” mythologem, which originated in folklore and Old Russian literature, evolved within the literature of the Russian country estate starting in the 1830s, and has since undergone continuous development, accumulating new meanings and connotations. The article briefly traces the evolution of this image and highlights key milestones in its history, while examining in greater detail several writers of the country estate genre who significantly influenced its development (such as L. N. Tolstoy, I. A. Bunin, I. M. Shevtsov *et al.*).

Keywords: estate, mythopoetics, blue color, forest, L. N. Tolstoy, I. A. Bunin, I. M. Shevtsov

Information about the author: George A. Veligorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

E-mail: screamer90@mail.ru

Received: April 19, 2026

Approved after reviewing: May 20, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Veligorsky, G. A. “‘The Blue Forest’ in the ‘Estate Text’ of Russian Literature 18th–21st Centuries.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 214–239. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-214-239>

Настоящая статья является нашим посильным вкладом в обширную тему «Русская усадьба и лес», развиваемую участниками исследовательского проекта «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» и представленную уже в целом ряде научных статей. Так, она уже получила развитие в статьях О. А. Богдановой, посвященных образам усадьбы и леса в литературе социалистического реализма [Богданова 2025a; Богданова 2025b]; в исследованиях Е. Ю. Кнорре, где рассматривается образ «таинственных и тихих» лесов, центральный для послевоенного творчества М. М. Пришвина [Кнорре 2023a, Кнорре 2023b], в статье Д. М. Борисовой, где усадьба и лес анализируются в творчестве К. Г. Паустовского [Борисова] и др. Мы, в свою очередь, рассмотрим русский лес — и, в частности, мифологему «синий лес» — в контексте мифопоэтики, как выразительный образ, являющийся узловым для усадебной литературы XIX–XXI вв. Функции «синего леса» в усадебном тексте многообразны: он служит и воплощением границы известного мира, зовущей, окликающей дали, и вмещилищем таинственной синевы, и символом ностальгии. Именно он традиционно очерчивает усадебный горизонт, а порой выступает пределом, вмещающим в себя весь усадебный мир (а иногда, как мы увидим, и всю Россию).

Образ «синего леса» в русской литературе XIX–XXI вв. совсем не нов. Он встречается еще в фольклоре (ср., к примеру, в сказке «Иван-царевич и серый волк», известной в обработке А. Н. Толстого: «<...> серый волк <...> синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом заметает» [Иван-царевич: 179]), в древнерусских повестях («голубые леса» в «Сказании о Мамаевом побоище» [Елеонская: 14]), позднее — в пейзажной поэзии XVIII в., например, в стихотворении Г. Р. Державина «Ключ» (1779): «В дали начнет синеться лес, / Туманов море разольется» [Державин: 32]. В его же стихотворении «Ласточка» (1794) лес упоминается вновь; на сей раз он ассоциируется не просто с далью, но далью

манящей, что акцентируется анафорическим повтором: «Там рощи в одежде зеленой, / Там нивы в венце золотом, / Там холм, синий лес отдаленный, / Там мошки толкуются столпом...»¹ [Державин: 149]. Образы заповедного синего леса встречаются и в поэзии И. И. Дмитриева — к примеру, в неоконченной трагедии «Царевна Софья» или в медитативной лирике («Да, хороши они, кавказские вершины...», 1780). Однако в этот период они еще существуют вне связи с усадебным миром.

В литературе русского романтизма 1820–1830-х гг. — во всяком случае, усадебной — «синий лес» почти не фигурирует. Впрочем, в этой связи нужно сделать несколько оговорок. Так, не возникая непосредственно в творчестве А. С. Пушкина, образ «синего леса» регулярно встречается в статьях пушкинистов и пушкиноведов, а также исследователей «пушкинских краев». А. Гладкий в книге-путеводителе «По пушкинским местам» (1931), описывая главный дом в Михайловском и вид с балкона, отмечает «чудный вид на извивающуюся под горой серебряной лентой Сороть», на противоположном берегу которой «убегают в синие дали поля, перелески» [Гладкий: 31]. В описаниях Михайловского нередко фигурирует «синий лес на горизонте», а в картинах Болдино — «синие озера и густые леса, <...> все тот же русский простор, на который Пушкин всегда отзывался» [Тыркова-Вильямс 2004: 275].

Самое первое обнаруженное нами использование образа «синего леса» в усадебной литературе встречается у А. И. Герцена в очерке «О себе» (1838), где, в числе прочего, приводятся воспоминания о детстве и юности писателя, прочно связанных с усадебным миром. Интерсующий нас образ находим в строках, описывающих вид из беседки в подмосковной усадьбе Архангельское:

Река тихо струилась узенькой ленточкой, довольная своим аристократическим именем; поля, леса, синяя даль, — природа именно этою далью, этою безграничностью приводит в восторг, в ее наружности отпечатлен тот характер бесконечности, который заключен в душе нашей <...> [Герцен: 180–181].

И хотя леса здесь представлены синими только исподволь (по принципу смежности с упомянутой рядом далью), Герцен одним из первых

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Г. В.

в отечественной среде подчеркивает важнейшую коннотацию — указывает на чувство бесконечности, которое синева, окрасившая горизонт и дальние виды, рождает в человеческой душе.

Не менее важную роль в закреплении за «синим лесом» двух метафорических смыслов — «предел изведанного» и «манящая даль» — сыграл один из главных создателей «усадебного текста» классической русской литературы Л. Н. Толстой.

Впервые образ «синего леса» встречается в писательском дебюте Толстого — повести «Детство» (1852). Здесь он наделен тем же смыслом, что и в очерке Герцена, однако к нему прибавляются новые коннотации. В главе VII маленький рассказчик Николенька (alter ego писателя) отправляется со взрослыми на охоту. Сидя на линейке, он смотрит по сторонам и делает наблюдения; в частности, внимание его привлекает такая картина:

Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким, синееющим лесом, который тогда казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны [Толстой 1: 22–23].

Пространство за синим лесом видится мальчику как небывалое, сказочное, недостижимое, а сам лес становится пределом всего известного (в случае Николеньки — усадебного) мира. Увиденное одновременно завладевает мечтами ребенка и укореняет его в текущей секунде:

Говор народа, топот лошадей и телег, веселый свист перепелов, жужжание насекомых, которые неподвижными стаями вились в воздухе, запах полыни, соломы и лошадиного пота, тысячи различных цветов и теней, которые разливало палящее солнце по светло-желтому жнивью, синей дали леса и бело-лиловым облакам, белые паутины, которые носились в воздухе или ложились по жнивью, — всё это я видел, слышал и чувствовал [Толстой 1: 23].

«Синий лес» будет многократно возникать в ранних произведениях Толстого. Так, в первой редакции «Романа русского помещика» (1856) встречаем такое описание:

Лес идет в гору и чем дальше, тем суровее <...> когда смотришь с долины, видны только зеленые макушки высоких деревьев, все выше и выше, *все синее и синее*. И конца не видать [Толстой 4: 315–316].

Здесь синий, как и в «Детстве», становится цветом беспредельности, обозначающим грань того, что доступно зрению. Впоследствии, однако, Толстой разочаруется в этом образе, сочтя его слишком распространенным и избитым. В статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования» (1862), написанной для журнала «Ясная Поляна», он приведет пример неудачного описания деревни, которыми изобилует массовая, «народная» литература: «<...> На горизонте, где небо сходится с землею, тянулась синяя, зубчатая полоса далекого леса <...>» [Толстой 8: 287]. Толстой окажется прав: образ «зубчатой полосы синего леса» станет впоследствии среди литераторов «разменной монетой»: его можно найти не только в дешевых изданиях для крестьян, о которых говорится в статье, но и в текстах К. Д. Ушинского (цитату из него см. далее в тексте), М. Горького («Фома Гордеев», 1899; «Трое», 1901), А. С. Серафимовича («Заяц», 1904), С. А. Волкова («Дневник», 1962), С. М. Наумова («На расстоянии крика», 1978) и т. д.

Однако Толстой впоследствии вновь возвратится к этому образу — в романе «Анна Каренина» (1877), в рассуждениях Сергея Ивановича Кознышева, старшего брата Левина, которые захватывают его по приезде в усадьбу Покровское:

Разве не молодость было то чувство, которое он испытывал теперь, когда, выйдя с другой стороны опять на край леса, он увидел на ярком свете косых лучей солнца грациозную фигуру Вареньки, в желтом платье и с корзинкой шедшей легким шагом мимо ствола старой березы, и когда это впечатление вида Вареньки слилось в одно с поразившим его своею красотой видом облитого косыми лучами желтеющего овсяного поля и за полем далекого старого леса, испещренного желтизною, тающего в синей дали [Толстой 19: 136].

Упоминание тех же цветов (желтое поле, синий лес), образ дали, чувство нечаянного восторга, ассоциация увиденной картины с молодостью позволяют прочитывать этот эпизод как прямую автоаллюзию на повесть «Детство» — Впрочем, не исключено, что ироничную, учи-

тивная скептически-негативное отношение Толстого к этому персонажу [см. Андреева: 134–137].

К образу «синего леса» в связи с творчеством Л. Н. Толстого обратится впоследствии В. Б. Шкловский — в биографии писателя, вышедшей в 1967 г. в серии «Жизнь замечательных людей». В ней Шкловский дает картину жизни Толстого, отчасти опираясь на его воспоминания (в том числе во многом автобиографичную повесть «Детство»), отчасти же — воссоздавая ее посредством исторического воображения. Здесь многократно возникает интересующий нас образ леса, подернутого дымчатой синевой. Повествуя о детских днях Толстого, о жизни в усадьбе Ясная Поляна и о виде, открывающемся с ее балкона, Шкловский пишет: «Там, за лугами, рожь пожелтела, ровно слиняла, за нею *леса синеют*, и гуще лесов синее небо» [Шкловский: 31]. Тот же образ возникает и далее — при описании игры в «муравейное братство», которой развлекали себя дети в семье Толстых (изобретателем ее был старший из них, брат Николай, в будущем — писатель и военный Н. Н. Толстой (1823–1860), участник Кавказской войны). Сведения об этой игре Л. Н. Толстой оставил в главке «Фанфаронова гора», вошедшей в книгу «Воспоминания» (1903–1906); Шкловский существенно расширяет их, привнося характерные образы. Само по себе царство, пишет он, было миром вечной справедливости, «в котором не будет ни маленьких, ни больших и всё будет говорить прямо, и никогда не будут шептаться, не будут плакать» [Шкловский: 36]. Проникновение в этот край предполагало инициацию, описанную самим Толстым:

Условия были, во-первых, стать в угол и не думать о белом медведе. <...> Второе условие я не помню, какое-то очень трудное... пройти, не оступившись, по щелке между половицами, и третье легкое: в продолжение года не видеть зайца, всё равно, живого или мертвого, или жареного [Толстой 34: 386–387].

Важная роль в этой игре отводилась воображаемой Фанфароновой горе: Николенька уверял, что она исполнит любое желание, которые, однако, нужно высказать загадя. В оригинальном тексте очерка сведений о ее топографии не дается, и Шкловский добавляет их от себя:

Где гора — дети не знали: вероятно, за необозримым, блестяще-желтым ржаным полем, еще дальше, *за синим лесом*. Она так далеко, что хотя высоко, но не подымается над лесом. Туда можно было дойти, если идти долго всем вместе (Курсив мой. — Г. В.) [Шкловский: 36].

Здесь «синий лес» выступает в буквальном смысле границей волшебной страны, в которую можно попасть наяву (посредством волшебной зеленой палочки, обладателем которой был брат Николай) и которая противопоставлена повседневной и далеко не всегда справедливой — по меркам Николеньки и других детей — жизни в усадьбе. Сложно сказать, был ли этот образ осмысленным или же интуитивно уловлен чутким исследователем, однако он крайне органично вписывается как в контекст творчества Толстого, так и в историю интересующей нас мифологемы.

«Синий лес» появится в книге Шкловского и еще раз: им станет «синеющий речной бор» [Шкловский: 820], встречающийся уже в конце жизнеописания, в главе «Уход Толстого»: раскинувшийся в долине реки Жиздра, он виднеется из окон поезда, на котором едет писатель, и с платформы Астапово — станции, где писатель проведет последние дни.

Уже после кончины Толстого «синий лес» станет прочно ассоциироваться и с Ясной Поляной, и с Астапово, обретая, таким образом, еще один смысл — образ границы земного мира. Ср. в этой связи, например, экфрасис картины «Вид на яснополянскую засеку», написанной в 1891 г. тульским художником В. П. Батуриным:

На полотне — проселочная дорога со сложенными по обеим сторонам штабелями напиленных дров. За ней виден идущий поезд с пассажирскими и товарными вагонами. Белый дым от паровоза тает в *синей дали леса* и серого неба. Это редкий сюжет, — впервые изображена яснополянская железнодорожная станция, куда Толстой часто ездил или ходил пешком за почтой и откуда в последний путь его провожала многотысячная толпа, неся на руках гроб с его телом до места захоронения на яснополянской усадьбе [Грызлова: 224].

Образ «синего леса», актуализированный Толстым, был широко осмыслен его современниками. После публикации «Детства» далекая

синева становится важным элементом в автобиографической литературе, посвященной жизни в усадьбе или на даче. В «Детских годах Багрова-внука» (1858) С. Т. Аксакова встречаем такое описание путешествия по прилегающему к усадьбе проселку:

<...> кое-где виднелись деревья и синелось что-то вдаль; отец мой сказал, что там течет Дёма и что это синееется ее гористая сторона, покрытая лесом [Аксаков: 283].

Синева эта так манит мальчика, что он не может сосредоточиться на интересной ему книге:

<...> я попросил позволения закрыть книжку и стал смотреть в окно, пристально следя за синеющею в стороне далью, которая как будто сближалась с нами и шла пересечь нашу дорогу [Аксаков: 284].

В повести К. Д. Ушинского «Детский мир» (1864) синий лес предстанет неотъемлемой чертой среднерусского пейзажа с разбросанными на его лоне многочисленными усадьбами:

Скучна покажется она [степь] и для жителя Великой России, где поля беспрестанно сменяются рощами, луга перелесками, а на горизонте непременно тянется синий лес [Ушинский: 381].

Еще один образ леса как границы «незнаемой дали» встречаем в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (1869):

Волга задумчиво текла в берегах, заросшая островами, кустами, покрытая мелями. Вдали желтели песчаные бока гор, а на них синел лес; кое-где белел парус, да чайки, плавно махая крыльями, опускаясь на воду, едва касались ее и кругами поднимались опять вверх, а над садами высоко и медленно плавал коршун [Гончаров: 72].

Сохраняется за лесом и коннотация его бескрайности, благодаря которой он предстает «развернутой в вечность» границей усадебного мира. В таком ключе он встречается в неоконченной повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тихое пристанище» (1857–1865):

Наконец, далее, на заднем плане, картина обрамливается синею поло-
сою леса, того неисходного леса, который, по уверению туземцев, тянется
отсюда вплоть до Ледовитого океана [Салтыков-Щедрин: 263].

Восприятие «синего леса» как границы, за которой сокрыто неведо-
мое, характерно не только для художественных, но и для автобиогра-
фических произведений. В воспоминаниях художника К. А. Коровина
(1861–1939), относящихся ко второй половине 1860-х гг., сохранился
рассказ о поездке с семьей на теткину дачу, находившуюся под Мо-
сковой вблизи Петровского парка:

Когда надо было сворачивать с Петровского шоссе в аллею парка, то
шоссе казалось далекой синей далью, и мне хотелось ехать не на дачу к тет-
ке, а туда, в эту дальнюю синюю даль. И я думал: там, должно быть, мыс
Доброй Надежды... [Коровин: 34].

Встречается там и другое воспоминание, о поездке в деревню Боль-
шие Мытищи, где отец художника нанимал летний дом:

А как вышел на крыльцо, видим большой синий лес. <...> То есть так
хорошо, как я никогда не видел. Вся Москва никуда не годится, такая кра-
сота... [Коровин 1990: 35].

Даль манит будущего художника: «Сначала я побаивался ходить да-
леко, а за речкой был виден лес и синяя даль. Вот туда-то я и пойду...»
[Коровин: 35]. Именно она становится воплощением мечты, уводящей
далеко от родной усадьбы:

А за заворотом реки, через сосны, синела даль, и там большой был плес
реки;

Нет, не это мыс Доброй Надежды, а он там, где синяя даль. Поэтому я
пойду непременно туда... там есть избушка, там буду жить. <...> И эти оль-
хи зеленые отражаются в воде, как в зеркале, и там синее небо, а наверху,
вдали, синеют далекие леса [Коровин: 36].

Во второй половине XIX в. синеющий/голубеющий вдалеке лес
остается важным фоном при изображении дворянской усадьбы. За-

частую этот образ связан, как и в «Анне Карениной» или в воспоминаниях К. А. Коровина, с ностальгией и молодостью. Он встречается, например, в стихотворении П. А. Вяземского «Приветствую тебя, в минувшем молодея...» (1870-е гг.), в котором описываются виды подмосковной усадьбы Остафьево:

Там привлекают взор, далече и кругом,
В прозрачной *синеве* просторной панорамы,
Широкие поля, селенья, божьи храмы,
Леса, как темный пар, поемные луга...

[Цит. по: Новиков: 24].

Разумеется, образ синевы как границы изведанного был широко осмыслен в Серебряном веке; исследователи отмечают обращение к такой коннотации синего цвета в творчестве С. А. Есенина [см.: Буркова], М. А. Кузмина [см.: Шкиль 2024], в лирике старших символистов [см.: Парамонова] и проч. Если же говорить об усадебной литературе, яркий пример обыгрывания «ускользающей синевы» находим в очерке А. А. Блока «Исповедь язычника» (1918):

В эту минуту перед нами открывалась многоверстная синяя русская даль. Сначала шли лощины, поросшие кустами и лесом, за ними начинали подниматься холмы, к вершинам которых, увенчанным деревнями и селами, сбегались разбежавшиеся внизу полосы хлебных полей. Местами среди холмов открывались еще просветы, совершенно синие, в которых изредка белели пятна, обозначающие собой церкви [Блок: 46].

Образ «многоверстной синей дали» впоследствии был «подхвачен» биографами и многократно встречается, в частности, при описании имения Шахматова: «С крыльца перед входом открывалась “многоверстная синяя русская даль”, холмы, леса, тихая речка Лутосня <...>» [Низовский: 133]. Он же, разумеется, использован и на сайте дома-музея «Шахматово», при описании окружающих усадьбу просторов¹.

¹ Усадьба Шахматово — дом-музей А. Блока. URL: <https://www.ru-roads.ru/blog/569/usadba-shahmatovo-dom-muzej-a-bloka/> (Дата обращения: 08.04.2026).

Образы «синего леса» встречаются у многих писателей начала XX в., обращавшихся в своем творчестве к образу усадьбы (М. Горький, А. И. Куприн, А. С. Серафимович и др.). Однако в рамках этой статьи мы сосредоточимся на наследии автора, который сделал этот образ центральным в своей усадебной прозе и лирике и во многом возвел его в абсолют. Речь идет об Иване Алексеевиче Бунине.

Синий цвет — несомненно, один из важнейших цветов в творчестве Бунина, по замечанию Т. А. Соловьёвой — его «любимейший» [см.: Соловьёва]. Согласно статистике, приводимой исследователями-колористами, синий и его оттенки составляют 23,1% и 22,6% в общей цветовой гамме писателя [см.: Павлюченкова: 99], а функции этих цветов в его творчестве чрезвычайно многообразны. Как отмечает С. В. Шкиль,

<...> синий у Бунина отражает не только зримое природное впечатление (цвет неба, воды, пространственной дальности — образные доминанты бунинской лирики), но и хорошо завуалированную в изображении видимого мира напряженную внутреннюю рефлексию [Шкиль 2005: 230].

Образ «синего леса» будет играть для Бунина столь важную роль, что упоминание о нем отразится в воспоминаниях современников. Так, в 1929 г. З. И. Гиппиус напишет: «Воздух неоглядных полей и синих лесов, которым он надыхался, стал как бы частицей его самого, вошел в его кровь» [Гиппиус].

«Синий лес» встречается и в воспоминаниях близких к Бунину людей. В автобиографическом очерке «Будни в Васильевском» жена писателя В. Н. Муромцева-Бунина вспоминала о жизни в этой усадьбе в 1907 г.:

Одной из наших частых прогулок была прогулка к так называемым Крестам, то есть к перекрестку дорог по направлению к синееющему вдали лесу, мимо ветряной мельницы, где жил очень странный лохматый мельник <...>.

Лес находится в двух верстах от усадьбы и отделяется от нее полями, над которыми то спускаются, то поднимаются со своими песнями грациозные жаворонки <...>, синееет придорожный цикорий <...>, а в синем небе громоздятся блестящие белоснежные облака [Муромцева-Бунина: 376].

Рассуждая о синеве у Бунина, стоит отметить, что она далеко не всегда связана с образом леса; правильней будет сказать, что лемма «лес» (вкупе с другими леммами: «поле», «море», «степь» и т. д.) вписывается в широко представленный у писателя образ бескрайней дали, непременно окрашенной в синий цвет и его оттенки. Синева у Бунина таит в себе непостижимое, неведомое; в усадебной лирике этот мотив встречаем, например, в стихотворении «Запустение» (1903), где описывается речная усадьба близ Оки: «Среди берез желтел осинник редкий, / И даль лугов за их прозрачной сеткой / Синела чуть заметно — как нарек» [Бунин 1: 91]. Синий и голубой цвета становятся зыбким пределом, замыкающим горизонт, как это происходит в «усадебном» стихотворении «Из окна» (1906): «А за ней — долинная, лесная, / Голубая, тающая даль» [Бунин 1: 237].

Наличие упомянутого предела побуждает смотрящего к фантазии, к попытке разгадать, что же кроется за очертившей горизонт синью, как это происходит в стихотворении «Закат» (1906): «Из-за чернеющих решеток / Глядят монахи на посад, / На *синь лесов* и на закат» [Бунин 1: 241]. Сияние заходящего солнца, тронувшее темный лес, представляется смотрящим «гнездом Жар-Птицы», а дымка над землей обретает черты старинных строений: «Над синим сумраком земли / Туманно-сизые кремли» [Бунин 1: 242]. Облака как «синий кремль» фигурируют и в другом стихотворении Бунина — «Растет, растет могильная трава...» (1906): «Как нежны на алеющем закате / Кремли далеких синих облаков!» [Бунин 1: 266].

Интерьер старинной усадьбы у Бунина также окрашен в синие тона и даже «пронизан» синим, который становится для писателя цветом воспоминаний и ностальгии. В усадебной лирике Бунина предреволюционных годов синева является образом былого, памяти о давно ушедшем: «*Синие* обои полиняли, / Образа, дагерротипы сняли — / Только там остался *синий цвет*, / Где они висели много лет» [Бунин 1: 396]; «Люблю неясный винный запах / Из шифоньерок и от книг / В стеклянных невысоких шкапах, / Где рядом Сю и Патерик. / Люблю их *синие* странички...» [Бунин 1: 262], и т. д. Она воплощает здесь «сокровенную память сердца», становится тем, что «неизбежно манит и манит из прошлого, превращаясь в чудесный призрак» [Манчук: 30].

Исключительно значима для Бунина коннотация сказочности, волшебства, связанная с синим цветом, встречающаяся, как мы отмеча-

ли выше, еще в русских сказках, древних повестях и летописях. Так, в стихотворении «Сказка» (1903–1904) писатель выводит образ «синего лукоморья», воплощение недостижимой мечты о давно ушедшем, невозвратимом: «Мне снилась даль, мне снилась сказка — / Мне снилась молодость моя» [Бунин 1: 203]. В журнальной версии этих стихов, опубликованной в газете «Правда» в 1904 г., появлялся и образ синего леса: «И без конца вдоль по заливам / Холмами шел синевший бор» [Бунин 1: 490]. Сказочность синевы акцентируется и в стихотворении «Мачеха» (1913), где Мати, таинственное существо, железнорогое, с косматыми ногами, похищает лирическую героиню, уносит ее «за темные леса, за синие боры, / За быстрые реки, за белые горы» [Бунин 1: 358]¹. Сказки же, в свою очередь, становятся для писателя неотъемлемой частью усадебного мира, о чем он поведает, например, в рассказах «Антоновские яблоки» (1900) или «Баллада» (из цикла «Темные аллеи», опубл. 1943).

Тот же мотив сохраняется и в прозе писателя, начиная с самых ранних произведений. Синий лес выступает границей (а с определенного ракурса — фоном)² усадьбы, как это видим, например, в повести Бунина «Учитель» (1894): «На той стороне, за речкой, была усадьба Линтварева с белыми хоромами и скучно синеющими рядами елей перед ними» [Бунин 2: 58]; ср. в рассказе «Ермил» (1912): «<...> по горизонту висит сумрачная полоса тумана, а под нею залегает синеватая полоса леса» [Бунин 4: 48]. В повести «При дороге» (1913), действие которой

¹ Судя по всему, именно Бунин стал одним из главных популяризаторов образа «синих лесов» как сказочного далека («За темными, за синими лесами, / За дымными болотами, лугами...»), что впоследствии привело к характерной путанице: в литературе второй половины XX в., как адресованной детям, так и постмодернистской, систематически искажается реплика Петушка, которого похищает Лисица: «Несет меня лиса за синие леса» (тогда как в оригинальной сказке — «темные»); это искажение может быть и намеренным — встречается оно в романе А. В. Иванова «Сердце Пармы» (2003), где синий лес играет исключительно важную, сюжетообразующую роль, в романе С. А. Самсонова «Аномалия Камлаева» (2007) и проч.

² Подобные описания, сближающие представленное с картиной, выделяя в нем основной план и фон, — пример характерного для Бунина пикторализма, когда «повествование преобразуется в живописание» [Пращерук: 97].

разворачивается в степной усадьбе и оканчивается побегом из нее, гибельным для героини, именно синий лес выступает границей мира:

<...> стало так тихо, что как будто в двух шагах раздавался бой перепелов, перекликавшихся в самых дальних хлебах, за чуть синевшим леском [Бунин 4: 189].

Примеры можно умножать: среди них — и «лесок, синевший на горизонте» в повести «Деревня» [Бунин 3: 81], и «туманная синь далеких лесов» в рассказе «Безумный художник» [Бунин 5: 41], и «далеко впереди мягко синеющий» лес» в повести «Митина любовь» [Бунин 5: 225]. Наконец, подобные же образы встречаем и в дневниках Бунина, в воспоминаниях, которые впоследствии лягут в основу романа «Жизнь Арсеньева» (1929):

В другие окна я вижу прежде всего ветви и сучья старых деревьев <...>, а ниже, между стволами, деревенскую даль: слегка синевший на горизонте вал леса, желтизну уже скошенных и покрытых копнами полей, ближе — раскинувшееся по склону к мелкой речке поместье Бахтеярова, а затем, уже совсем близко, — старую низкую ограду нашей усадьбы <...> [Устами Буниных: 164].

В прозе же актуализируется еще одна важная коннотация — современность, исконность синевы; у Бунина это цвет чего-то дикого (ср.: «дикое синее лукоморье»), еще не подчиненного человеком. Образ такого леса возникает в раннем очерке «Казацким ходом» (1898):

Дико и глухо было тогда в первобытных лесах, куда пришел святой человек. Лес бесконечно синел под ним. Лес глушил берега, и только река, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами под его навесом. Синела лесами, лугами и отдаленными горами — долина Днепра! [Бунин 2: 111].

Древность заключает в себе и идею «неведомого», как это происходит в повести «Деревня» (1910):

Хохлы были из Черниговской губернии. Всегда она представлялась ему глухим краем, с тусклой, пасмурной синью над лесами. О временах Владимира, о давней жизни, боровой, древне-мужицкой, напомнили эти люди, испытавшие рукопашную схватку с бешеным зверем [Бунин 3: 74].

Наконец, синева связана для Бунина с обнаружением чего-то сокрытого, с внезапным озарением; пример тому — яркий эпизод из «Жизни Арсеньева»:

Когда же снова выбрался он [паровоз] на простор, из-за диких лесистых холмов впереди вдруг глянуло на меня всей своей темной громадной пустыней, поднимавшейся в небосклон, что-то тяжело-синее, почти черное, влажно-мглистое, еще сумрачное, только что освобождавшееся из влажных и темных недр ночных, и я вдруг с ужасом и радостью узнал его! [Бунин 6: 174–175].

Синева столь прочно связана у писателя с образом леса, что последний будто становится постоянным ее носителем, и это даже обыгрывается в авторских сравнениях:

За садом и полями, простиравшимися за ним, на самом горизонте, *синело, подобно далекому лесу*, Батурино, и там неизвестно зачем уже восемьдесят лет жила в своей старосветской усадьбе, в доме с высочайшей крышей и цветными стеклами, бабушка, мать матери [Бунин 6: 34].

Еще один яркий, хотя и неожиданный пример использования синего леса в усадебном ключе, — дневники советского физика из знаменитой «академической семьи» С. И. Вавилова (1891–1951), содержащие, в числе прочего, рассказ о военных действиях на территории Польши в 1914–1915 гг. И хотя заметки армейского офицера на марше крайне сложно назвать усадебной литературой, в них постоянно встречаются образы старинных польских усадеб, увиденных на дороге, сохранившихся и «живых» или разоренных и сгоревших в пожарах:

Потом двинулись дальше, через спокойные помещичьи усадьбы с домами, с вилла<ми> в палладианском вкусе <...> [Вавилов: 242];

Недели 2 тому назад в псевдо-готическом палаццо пана помещался штаб нашего корпуса — теперь там о<д>ни развалины. Конечно, кругом пожара целый ворох легенд. У пана нашли пулемет, двух австрийцев, подземные ходы(!), «таинственные шкафы» и пр. Усадьбу, конечно, разгромили, винными погребами попользовались, говорят, и деньги нашли [Вавилов: 244–245];

Zloty — усадьба. Старый помещичий дом с колоннами весь зарос плющом, листья опали, сейчас дом, как кружевом, обтянут старыми толстыми змеистыми стеблями плюща. Вокруг старый парк, старый лакей выносит какой-то стол из дому. В этот помпезный мир ворвалась тоже война [Вавилов: 341].

Пытаясь дистанцироваться от войны, окружающей его повсеместно, врывающейся в мир старинных усадеб, автор намеренно «переносит» ее, помещает в далекую даль, воплощаемую для него синим лесом:

Там за рекой, за песками, в *синем лесу* грохочут пушки, потрескивают пулеметы, а здесь почти мертвый осенний покой [Вавилов: 302];

Опять откуда-то стрельба, а порой одиночные выстрелы из *синих, густых лесов* [Вавилов: 304];

Молчаливо, задумчиво и холодно беспристрастно смотрят эти леса, *синя* издали своими «лейстиковскими» тонами [Вавилов: 314].

В иных случаях лес становится для него сокровенным пространством, *felicitous place* и локусом для «душевной эмиграции»:

Смотрю на леса на горизонте, синие и дикие. Хорошо бы убежать в эту дичь и чащи и поселиться где-нибудь под землей, под мхом и корнями, зажать уши, не слушать выстрелов, не говорить о безнадежной войне, читать, работать в лаборатории и в конце концов так умереть [Вавилов: 445].

В определенный момент образ леса выступает паллиативом — родом мягкого лекарства, утешающего саднящую боль:

<...> вдали синеют по холмам сосновые леса с красными пятнами уга-
сающих лиственников. Грустно, но приятно — смерть, но тихая, мирная
безболезненная, почти сон [Вавилов: 448]¹.

В 1920-х гг. и впоследствии синяя русская даль была широко осмыс-
лена писателями-эмигрантами, в воспоминаниях которых она слива-
ется воедино с образом усадьбы (прежде, как мы помним, усадьба и
синь намеренно разводились авторами как передний план картины и
фон). Яркий тому пример встречаем в книге А. Маркова «Родные гнез-
да», опубликованной уже в 1960-е гг., но содержащей воспоминания о
событиях довоенной поры:

Помню и никогда не забуду неохватный простор русских полей, кото-
рый провожал меня дни и ночи, тенистые леса, тихие и темные <...>. Ни-
когда не забуду голубые, заманчивые дали с белыми церквями, барскими
усадьбами, деревнями и гумнами, уходящую из глаз широкую ленту доро-
ги, густо, как аллея, обсаженной ракетами <...> Все это врывалось в душу
новыми чувствами и осаждалось в глубине детского сознания радостным
представлением о неисчерпаемой красоте, обилии и силе нашей великой,
русской родины... [Марков: 55–56]

Здесь мы видим те же коннотации, что были рассмотрены нами
выше: «заманчивая», зовущая голубизна, очерчивающая горизонт и
вызывающая у смотрящего сладостные мечты, воспоминания о счаст-
ливом детстве.

В раннесоветской литературе образ мистической лесной синевы
как чего-то манящего, пленительного, мистического встречается, по
понятным причинам, существенно реже. Редкий пример находим в на-
броске «Поппада» «крестьянского поэта» П. А. Радимова (1887–1967),
известного как автор сонета «В усадьбе Достоевского»: «Словно заря,
выходя в небеса золотые, играет / Светлой улыбкой лучей на зеленом
лугу и на дальнем / Лесе таинственно-синем, — так Маша к гостям по-
явилась...» [Радимов 1988: 85].

¹ Тема «усадьба и война» активно разрабатывается в рамках нашего
проекта, в частности, в статьях О. А. Богдановой [Богданова 2025b],
Е. Ю. Кнорре [Кнорре 2023a] и др.

В литературе после Великой Отечественной войны происходит своего рода возрождение образа «синего леса»: в эту пору он преломляется, сохраняя свой прежний смысл, в то время как образ усадьбы претерпевает изрядные перемены. В философском романе Л. М. Леонова «Русский лес» (1954) встречается рассуждение о судьбе старинных лесов, вложенное в уста ученого-лесоведа Ивана Вихрова, размышляющего о судьбе родной для него деревни Красновершье:

И вот как выглядела топография тогдашнего мира. В центре его, при слиянии Скляни с Енгой, сползало к воде Красновершье, а вокруг — зеленые, синие и голубые — ступенчато простирались леса. От барской усадьбы деревеньку отделяла сосновая, десятин на полсотни роща, чье местоположение определялось самым названием Заполоски. С востока клином спускалась в овраг, тоже сапегинская, часть громадного Облога, а непосредственно за ним синели казенные неприступные Пустошá [Леонов: 61].

Владельческая усадьба Сапегиных и «синий лес» становятся здесь образами старого мира; но если усадьба отжила свой век, стала атавизмом, то лес, напротив, сохраняет былые цвета, оставаясь таким же в новых реалиях. Синева необъятных русских лесов многократно подчеркивается автором: в сцене, где Варя смотрит на лес с высокого балкона, увиденное ею описывается как «синяя пропасть» [Леонов: 48]. Не утрачивает синий лес и присущую ему коннотацию загадочности:

Вырубка и родничок заросли лещиной, все кругом стало получужое, исключая Пустошей, таинственно синевших впереди [Леонов: 194].

Закljučается же роман рассуждением Вихрова в трудовой, леснической усадьбе Пашутино, указывающем на преемственность времен и на сохранение, несмотря ни на что, вечного образа русской усадьбы:

Конечно, трудно и сегодня представить нашу родину без синей кромки на горизонте <...> [Леонов: 323].

Еще один пример связи «синего леса» и усадьбы, явленной в непривычном ключе, встречается в романе советского писателя, яркого представителя литературы соцреализма И. М. Шевцова (1920–2013)

«Свет не без добрых людей» (1961). В центре романа — послевоенный совхоз, жизнь в котором намеренно описана автором в терминологии усадебной литературы. Этот совхоз/усадебка становится образом возрожденного послевоенного мира, выстроенного на пепелище двух выжженных деревень:

Забродье в годы войны было под корень испепелено гитлеровцами, и после войны жители туда уже не стали возвращаться, а предпочли строиться в Зубове и Заполье, где уцелели две бани и три погреба [Шевцов: 54].

При этом понятие «усадебка» в романе полисемично. Прежде всего, им обозначается сама деревня (нередко именуемая «центральной усадьбой»): «В Зубове теперь была центральная усадьба совхоза <...>» [Шевцов: 54]; «Улица была безлюдна, казалось, вместительная утроба клуба проглотила всех жителей центральной усадьбы» [Шевцов: 371]. Так же именуется поле, где ведутся основные работы: «Дали мне тогда в колхозе коня усадьбу вспахать. После полудня начала, к вечеру управилась» [Шевцов: 93]. Наконец, усадьбой метонимически называется главное, административное здание совхоза. Об одном из героев романа, трактористе Феде Незабудке, сказано: «Голос его всегда слышен то в поле, то *на усадьбе*, то в столовой, то в клубе» [Шевцов: 65].

Совхоз — закрытый универсум, до которого доходят новости внешнего мира (в частности, обманчивые; это явственно видно в эпизоде, когда Федя Незабудка, местный красавец, стрижется наголо, куда-то исчезает, и все немедленно начинают рассуждать о «новой войне»). Границей этого универсума выступает лес — по традиции, синего цвета:

За травами длинной полосой потянулось поле некошенной вики, такой сочной, густой и мягкой, что хотелось нырнуть в нее и, распластав руки, плыть, плыть до края *иссиня-пепельного леса*, в который упиралось зеленое поле [Шевцов: 78].

Иногда роль границы играет синяя даль, но опять-таки очерченная деревьями:

Утром, когда он ехал к Артемычу, фиолетово-зеленые дали струились сиреневым и голубым. Теперь же, *синие у самого горизонта*, они серебрились на вершинах ближних лесов <...> [Шевцов: 127].

Несет в себе синева и коннотацию тайны, что особо подчеркнуто в эпизоде, когда главная героиня москвичка Варя и Тимоша, сын хозяйки дома, в котором она живет, стоят на крыльце, мечтая «о великом»:

Погасло пламя в окнах домов, потемнел синий лес и приблизился к селу, в синее окрасился воздух.

Солнце, совсем неяркое, огромное, уже коснулось своим зыбким краем темного горизонта, а в другой стороне, на востоке, из-за синего гая выползала луна [Шевцов: 150].

В годы «оттепели» образ «синего леса» продолжает существовать и даже расширяет свои границы. Так, в философском романе А. Кима «Белка» (1984) лесом окружена вся страна, представляющая оттого родом огромной, вмещающей весь советский народ усадьбы:

О, пристанище последней печали моей, Русь, огражденная синим забором лесов, пусти в теплую избу одинокого странника с белой собакой [Ким].

Сохраняется образ леса и в современной «дачной» поэзии, например, в элегическом стихотворении В. Н. Корнилова «Аэродромы» (1988) есть воспоминание о времени, когда «за Москвой» еще не было Шереметьева: «А лишь незабудки в росе, / И рельсы в предутреннем инее, / И синие лес и шоссе, / И местные авиаинии» [Корнилов: 232].

Образ синего леса как границы изведенного мира присутствует и в современной литературе, либо посвященной усадьбам, либо имеющий те или иные черты «усадебного текста», — в сочинениях А. В. Иванова («Географ глобус пропил», 1995; «Сердце Пармы», 2003), С. П. Залыгина («Экологический роман», 1993), О. А. Славниковой («Один в зеркале», 1998), С. В. Осипова («Страсти по Фоме. Книга вторая», 1998), А. А. Макушинского («Город в долине», 2012) и др. Обнаруживается он, что характерно, и в современной массовой литературе, как правило, не столь сильно ориентированной на традиции и интертекст. В детек-

тивном романе А. П. Артюшкевич «Усадьба» (2021) герою открывается картина: «<...> на фоне синего леса — особняк, словно вырезанный из куска сахара и сияющий в солнечных лучах» [Артюшкевич]. В романе А. А. Поснякова «Тайна старой усадьбы» (2023) героиня, прибывая в усадебный дом, осматривает окрестности: «утопавшую в серо-желтой пыли грунтовку, несколько серых, с огородами, изб, заросшие густой травой поля и бескрайний голубой лес, тянувшийся, словно какой-нибудь океан, до самого горизонта» [Посняков: 69]. Упомянутые примеры позволяют говорить о несомненном бытовании устойчивой литературной тенденции.

Образ «синего леса» и далекой манящей синевы в «усадебном тексте» отечественной литературы имеет глубокие корни и проходит последовательное развитие на протяжении ряда веков. Все это время за ним сохраняются, с определенными оговорками, основные коннотации: роль границы известного мира; сопряженное с ним чувство бескрайности, беспредельности; связь с памятью детства, с ностальгией, тоской по утраченному; ощущение зыбкости и т. д. Этот образ прочно связан с усадебным миром — как в пору расцвета усадебной литературы, так и во времена, когда она, казалось, угасла, ушла в былое, — причем без утраты тех смыслов, что закреплялись за ним на протяжении столетий.

Список литературы

Источники

- Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1966. Т. 1. 600 с.
- Артюшкевич А. Усадьба. М.: LitRes, 2021. URL: <https://www.litres.ru/book/anna-artushkevich/usadba-66575678/> (дата обращения: 08.04.2026).
- Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 6. 548 с.
- Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965–1967.
- Иван-царевич и серый волк / в обработке А. Н. Толстого // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / сост. В. П. Аникин, Д. С. Лихачёв, Т. Н. Михельсон. М.: Детская литература, 1986. С. 175–181.
- Вавилов С. И. Дневники: в 2 кн. / отв. ред. В. М. Орел, сост. и хранитель личного архива В. В. Вавилова; ред.-сост. Ю. И. Кривоносов. М.: Наука, 2016. Кн. 1. 682 с.
- Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: АН СССР, 1954. Т. 1. 576 с.
- Гиппиус З. Н. Тайна зеркала (Иван Бунин). URL: <https://bunin-lit.ru/bunin/kritika/gippius-tajna-zerkala.htm> (дата обращения: 08.04.2026).
- Гладкий А. По пушкинским местам: руководство при экскурсиях через Псков в Пушкинский госзаповедник: с 18 рисунками, маршрутами и 2 картами. М.; Л.: Физкультура и туризм, 1939. 64 с.

- Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 7. 771 с.
- Державин Г. Р. Сочинения / сост., биограф. очерк и коммент. И. И. Подольской. М.: Правда, 1985. 578 с.
- Ким А. Белка: роман-сказка. URL: <https://lib.ru/PROZA/KIM/belka.txt> (дата обращения: 08.04.2026).
- Корнилов В. Н. Собр. соч.: в 2 т. М.: Хроникер, 2004. Т. 1. 477 с.
- [Коровин К. А.] Константин Коровин вспоминает... / сост. книги, авторы вступ. статьи и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М.: Изобразительное искусство, 1990. 606 с.
- Леонов Л. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 6. 760 с.
- Марков А. (Шарки). Родные гнезда. Сан-Франциско: [б. и.], 1962. 224 с.
- Муромцева-Булнина В. Н. Жизнь Бунина: Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 514 с.
- Посняков А. Тайна старой усадьбы. М.: Эксмо, 2024. 312 с.
- Радимов П. Избранные стихи. М.: Худож. лит., 1988. 398 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 4. 610 с.
- Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.
- Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / под ред. М. Грин: в 3 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. Т. 1. 366 с.
- Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 4. / подгот. к печати В. Я. Струминский. М.; Л.: Акад. педагогических наук РСФСР, 1948. 678 с.
- Шевцов И. Свет не без добрых людей. М.: Моск. рабочий, 1962. 428 с.
- Шкиль С. В. «Синий пурпур кружит вниз»: Поэтика синего цвета в лирике И. Бунина и М. Кузмина // Literary.ru. 28 мая 2024 г. URL: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1719578770&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 07.04.2026).

Исследования

- Андреева В. Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Кострома: Авантитул, 2012. 290 с.
- Богданова О. А. Тема «усадьба и лес» в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К. Г. Паустовский и Л. М. Леонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 8–18. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18>
- Богданова О. А. Усадьба и война в «Повести о лесах» К. Г. Паустовского // «Они сражались за Родину»: Литература и история. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 929–939.
- Борисова Д. М. Прошлое и настоящее русской усадьбы в «Повести о лесах» К. Г. Паустовского // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О. А. Богданова; отв. ред. В. Г. Андреева, О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 88–103. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-88-103>

Буркова О. М. Художественно-изобразительная роль синего и голубого цветов в поэзии Сергея Есенина и ее переводах на белорусский язык // *Lingua mobilis*. 2011. № 2 (28). С. 12–17.

Велигорский Г. А. Поэтика фантастического пространства в детской литературе Великобритании XIX–XXI вв. / отв. ред. В. С. Сергеева. М.: ИМЛИ РАН, 2026. 396 с.

Грызлова И. К. Драгоценные экспонаты // Яснополянский сборник – 1988: Статьи. Материалы. Публикации. Тула: Приокское книжное издательство, 1988. С. 222–225.

Елеонская А. С. «Древесные образы» в произведениях древнерусской литературы // *Древнерусская литература: Изображение природы и человека* / отв. ред. А. С. Демин. М.: Наследие, 1995. С. 4–18.

Кнорре Е. Ю. «В глубину торжественных и тихих лесов»: лес как пространство спасения в послевоенном творчестве М. М. Пришвина и К. Г. Паустовского // *Русская словесность*. 2023. № 3. С. 63–75.

Кнорре Е. Ю. «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина // *Вопросы философии*. 2023. № 11. С. 16–22. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-11-16-22>

Манчук Г. Образы дворянских усадеб в творчестве И. А. Бунина как духовные очаги русской культуры // *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. 2013. № 1 (2). С. 23–38.

Низовский А. Ю. Усадьбы России: подмосковные; от Петербурга до Саратова. М.: Вече, 2005. 315 с.

Новиков В. И. Под сенью русского Парнаса. М.: Издательский дом «Тончу», 2009. 293 с.

Павлюченкова Т. А. Цветообозначения в поэзии И. А. Бунина // *Филологические науки*. 2008. № 2. С. 99–107.

Парамонова Л. Ю. «Сапфирность неба» и «отсвет голубой»: Семантика синего цвета в лирике старших символистов // *Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки»*. 2013. № 2 (6). С. 212–216.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. 206 с.

Соловьёва Т. А. Все оттенки синего: о любимом цвете поэта И. А. Бунина // *Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. Тула: Тульский государственный университет им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 184–187.

Тыркова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина: в 2 т. М.: Молодая гвардия, 2004. Т. 2. 514 с.

Шкиль С. В. Колоратив как стилистическая категория в лирических идиостилиях И. А. Бунина и М. А. Кузмина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 291 с.

References

Andreeva, V. G. “Beskonechnyi labirint stseplenii” v romane L. N. Tolstogo “Anna Karenina” [“The Endless Labyrinth of Clutches” in the Novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina”]. Kostroma, Avantitl Publ., 2012. 290 p. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. “Tema ‘usadba i les’ v literature sotsialisticheskogo realizma kontsa 1940-kh — nachala 1950-kh gg. (K. G. Paustovskii i L. M. Leonov)” [“The Theme of the ‘Estate and Forest’ in the Literature of Socialist Realism in the Late 1940s and Early 1950s (K. G. Paustovsky and L. M. Leonov)”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 31, no. 3, 2025, pp. 8–18. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18> (In Russ.)

Bogdanova, O. A. “Usad’ba i voina v ‘Povesti o lesakh’ K. G. Paustovskogo” [“Estate and War in the ‘Story of Woods’ by K. G. Paustovsky”] *“Oni srazhalis’ za Rodinu”: Literatura i istoriia* [“They Fought for Their Motherland”: Literature and History]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 929–939. (In Russ.)

Borisova, D. M. “Proshloe i nastoiashchee russkoi usad’by v ‘Povesti o lesakh’ K. G. Paustovskogo” [“The Past and Present of the Russian Estate in K. G. Paustovsky’s ‘The Tale of the Woods.’”]. *Usad’ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia: kollektivnaia monografiia* [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph], comp. by O. A. Bogdanova, ex. ed V. G. Andreeva and O. A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 88–103. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-88-103> (In Russ.)

Burkova, O. M. “Khudozhestvenno-izobrazitel’naia rol’ sinego i golubogo tsvetov v poezii Sergeia Esenina i ee perevodakh na belorusskii iazyk” [“The Artistic and Descriptive Role of Blue and Light Blue Colors in the Poetry of Sergei Yesenin and Its Translations into Belarusian”]. *Lingua mobilis*, no. 2 (28), 2011, pp. 12–17. (In Russ.)

Veligorskii, G. A. *Poetika fantasticheskogo prostranstva v detskoj literature Velikobritanii XIX–XXI vv.* [The Poetics of Fantastic Space in British Children’s Literature of the 19th–21st Centuries], ed. by V. S. Sergeeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2026. 396 p. (In Russ.)

Gryzlova, I. K. “Dragotsennye eksponaty” [“Precious Exhibits”]. *Iasnopolianskiy sbornik — 1988: Stat’i. Materialy. Publikatsii* [Yasnaya Polyana Collection — 1988: Articles. Materials. Publications]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1988, pp. 222–225. (In Russ.)

Eleonskaia, A. S. “‘Drevesnye obrazy’ v proizvedeniiakh drevnerusskoi literatury” [“‘Tree Imagery’ in Works of Old Russian Literature”]. *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian Literature: The Depiction of Nature and Man] ed. by A. S. Demin. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 4–18. (In Russ.)

Knorre, E. Iu. “V glubinu torzhestvennykh i tikhikh lesov’: les kak prostranstvo spaseniia v poslevoennom tvorchestve M. M. Prishvina i K. G. Paustovskogo” [“Into the Depths of Solemn and Quiet Forests’: The Forest as a Space of Salvation in the Post-War Works of M. M. Prishvin and K. G. Paustovsky”]. *Russkaia slovesnost’*, no. 3, 2023, pp. 63–75. (In Russ.)

Knorre, E. Iu. “‘Ushedshii v Les’ v poiskakh ‘kladovoi solntsa’: filosofia spaseniia Mikhaila Prishvina” [“‘The One Who Went into the Forest’ in Search of the ‘Storehouse

of the Sun': Mikhail Prishvin's Philosophy of Salvation"]. *Voprosy filosofii*, no. 11, 2023, pp. 16–22. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-11-16-22> (In Russ.)

Manchuk, G. "Obrazy dvorianskikh usadeb v tvorchestve I. A. Bunina kak dukhovnye ochagi russkoi kul'tury" [Images of Noble Estates in the Works of I. A. Bunin as Spiritual Hearths of Russian Culture]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury*, no. 1 (2), 2013, pp. 23–38. (In Russ.)

Nizovskii, A. Iu. *Usad'by Rossii: podmoskovnye; ot Peterburga do Saratova* [Estates of Russia: Moscow Region; From St. Petersburg to Saratov]. Moscow, Veche Publ., 2005. 315 p. (In Russ.)

Novikov, V. I. *Pod sen'iu russkogo Parnasa* [Under the Shade of the Russian Parnassus]. Moscow, Izdatel'skii dom "Tonchu" Publ., 2009. 293 p. (In Russ.)

Pavliuchenkova, T. A. "Tsvetooboznacheniiia v poezii I. A. Bunina" ["Color Terms in the Poetry of I. A. Bunin"]. *Filologicheskie nauki*, no. 2, 2008, pp. 99–107. (In Russ.)

Paramonova, L. Iu. "'Sapfirnost' neba' i 'otsvet goluboi': Semantika sinego tsveta v lirike starshikh simbolistov" ["'Sapphire-ness of the Sky' and 'Blue Reflection': Semantics of the Color Blue in the Lyric Poetry of the Elder Symbolists"]. *Visnik Dnipropetrovskogo universitetu imeni Al'freda Nobel'ia. Seriia "Filologichni nauki,"* no. 2 (6), 2013, pp. 212–216. (In Russ.)

Prashcheruk, N. V. *Proza I. A. Bunina v dialogakh s russkoi klassikoi* [The Prose of I. A. Bunin in Dialogue with Russian Classics]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2016. 206 p. (In Russ.)

Solov'eva, T. A. "Vse ottenki sinego: o любимом tsvete poeta I. A. Bunina" ["All Shades of Blue: On the Favorite Color of the Poet I. A. Bunin"]. *Materialy nauchnoi konferentsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov, aspirantov i magistrantov TGPU im. L. N. Tolstogo* [Materials of the Scientific Conference of Scientific and Pedagogical Workers, Graduate Students and Master's Students of TSPU Named after L. N. Tolstoy]. Tula, Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University Publ., 2018, pp. 184–187. (In Russ.)

Tyrkova-Vil'iams, A. V. *Zhizn' Pushkina: v 2 t.* [The Life of Pushkin in 2 vols.], vol. 2. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 514 p. (In Russ.)

Shkil', S. V. *Kolorativ kak stilisticheskaia kategoriia v liricheskikh idiostiliakh I. A. Bunina i M. A. Kuz'mina* [The Color Term as a Stylistic Category in the Lyric Idiostyles of I. A. Bunin and M. A. Kuzmin: PhD Dissertation]. Moscow, 2005. 291 p. (In Russ.)